

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 316.48

А. В. Алейников

КОНФЛИКТНАЯ МОДЕЛЬ РОССИИ: «ПРОШЛОЕ ЗАВТРАШНЕГО НАСТОЯЩЕГО»

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать системные характеристики и основные составляющие национальной конфликтной модели и стратегии конфликторазрешения в российском обществе. Показано, что российский конфликтный стиль определяется отсутствием социальной динамики в движении от «токсичных» видов социальных конфликтов к конфликтам, поддающимся институционализации.

На основе предложенного П. Бурдьё методологического инструментария операционализировано понятие «конфликтный габитус» и предложена его авторская интерпретация. В политическом пространстве это устойчивый, самовоспроизводящийся в историческом времени комплекс социальных структур (отношений, организаций и институтов), совокупность закономерностей историко-конфликтного поведения, специфический стержень, определяющий национальную специфику протекания и методов регулирования конфликта. Рассмотрены типы конфликтного стиля общества, предложен анализ истории российских кейсов деконструкции и разрушения социума, современной внутригражданской, социально-политической, идеологической ситуации в России, раскрыты особенности «генетической» связи формируемой российской социальной системы и ее конфликтной модели с предшествующими состояниями. В статье доказывается, что в российской политической практике реализуется в основном модель использования насилия ради достижения групповых интересов в формате открыто манифестируемой вражды различных социальных групп при осознанном применении политических технологий интенсификации и эскалации конфликтов (включая такой прием, как поиски внутреннего и внешнего врагов), когда стороны конфликта, в том числе и путем коррекции институциональных правил, готовятся к не к компромиссу, а к максимальной напряженности.

Ключевые слова: российские трансформации, власть, конфликтная модель, конфликтный стиль.

Andrei V. Aleinikov

CONFLICT MODEL OF RUSSIA: "THE PAST OF THE PRESENT FUTURE"

The paper attempts to identify and analyze system features and main components of the national conflict model and conflict resolution strategy in Russian society. It is shown that the Russian style assumes absence of social dynamics in the movement of social conflicts from «toxic» types of conflicts to conflicts which can be institutionalized.

On the basis of the proposed methodological tools of Bourdieu, the concept of «conflict habitus» is operationalized and offered its author's interpretation. In the political sphere it is a stable, self-replicating in historical time social structures complex (relationships, organizations and institutions), the set of historical conflict behavior laws, a specific core, which defines national identity conflict, the behavior

Алейников Андрей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; av-aleynikov@yandex.ru

Aleinikov Andrei V. — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; av-aleynikov@yandex.ru

of social actors in it and the methods of its regulation. It is proved that the main model in the Russian political practice is the model of violence which is used in order to achieve group interests in the form of open hostility of different social groups with the use of political technologies to intensify and escalate conflict. This process including the use of internal and external enemies search, in which the conflict parties, prepare not to compromise, but to the maximum tension.

Keywords: Russian transformation, power, conflict model, conflict style.

Исследователи противоречивого хода российской трансформации, «долгого пути через “долину слез” и “юдоль печали”» (Р. Дарендорф [1]), как правило, выделяют тот или иной сюжет, который видится им главным: срыв перехода от авторитарной к демократической политической системе, возвращение к историческим российским традициям и ценностям, раскол социальной системы.

Примеры, подтверждающие существование этих тенденций, многочисленны. Так, в России 1% самых богатых граждан получает 40% всех национальных доходов, занимая лидирующие позиции в мире по скупке недвижимости в европейских столицах (по некоторым оценкам, доля россиян среди покупателей элитного жилья на Лазурном берегу Франции составляет 12%). Для сравнения: даже в США этот же 1% самых богатых граждан располагает лишь 8% доходов [2].

Рассуждая о жизненных стратегиях российской псевдоэлиты, ориентированных прежде всего на Запад, о взаимосвязи ее интересов с интересами остальной части общества, А. М. Пятигорский и О. М. Алексеев предлагают убедительную теоретизацию: «Это не конфликты политических концепций или точек зрения (и не конфликты экономических интересов), а конфликты противоположных *интенциональностей* политической рефлексии. Эти интенциональности не сводимы ни к нефти, ни к атомной энергии, ни к Корану, ни к цвету кожи или разрезу глаз. В *полях напряжения*, образовавшихся между конфликтующими интенциональностями, любая рефлексия — экономическая, религиозная, этическая — становится политической и только ждет своего часа, когда напряжение разрешится “шизофреническим взрывом”, “схизмогенезом”, логическим выводом из которого будет аннуляция (точнее, самоуничтожение) обеих конфликтующих интенциональностей и неизбежная смена типа политической рефлексии у обеих конфликтующих сторон, а иногда и у третьей стороны» [3, с. 24–25].

Пользуясь емким языком В. Пелевина, наш «консенсус элит» обеспечивается «*валовым национальным откатом*». Как остроумно заметил Збигнев Бжезинский: «Не вижу ни одного случая, в котором Россия могла бы прибегнуть к своему ядерному потенциалу, пока пятьсот миллиардов долларов российской элиты хранится в американских банках. Вы уж определитесь, чья это элита, ваша или уже наша» (цит. по: [4]). Разумеется, не всегда конфликтогенность современного российского общества прокламируется в столь острой и идеологически окрашенной форме. Но примеры такого рода могут быть умножены.

Корпус опубликованных за последнее десятилетие научных работ по проблеме трансформации в России довольно значителен, а оценки российского политического развития и его перспектив разнообразны. Впрочем, рефлексия поиска искомой сущности России всегда была предельно острой темой. Детальное рассмотрение, даже сугубо библиографическое описание конфликтов российской модернизации увело бы нас очень далеко. Мы ограничимся отсылкой к удачной формулировке россий-

ского конфликтолога Д. А. Абгаджавы: «Модернизация — амбивалентный процесс, в котором можно выделить как позитивные, так и негативные моменты. Позитивная сторона этого процесса заключается в большей социальной и трудовой мобильности, индивидуализации. Негативная сторона состоит в том, что модернизация приводит к унификации образа жизни, разрушению традиционных и первичных связей. Таким образом, мы можем говорить о распаде социальной сети отношений, ведущем к дезинтеграции и потере социальной ориентации» [5, с. 177]. Иными словами, процессы социальных трансформаций многоплановы, полиаспектны, представляют собой, говоря словами Р. Коллинза, «запутанный многосторонний процесс конфликта на нескольких фронтах» [6, с. 101].

Важно обратить внимание на следующий аспект российской конфликтной модели. В российской системе координат существенным паттерном является доведение до совершенства технологий создания искусственной политической конфликтности как социальной нормы. Российские граждане становятся легкой добычей политтехнологов прежде всего потому, что в России экзистенциальные проблемы не существуют отдельно от проблем экономических, социальных и политических. «Наоборот, среди наших реалий [в] метафизику, в проблемы добра и зла, доброты, искренности, лжи, сокрытия, человеческого своеволия, самоуправства и в решение этих проблем — внедряешься быстро почти при первой же встрече с милиционером, с органами местного самоуправления» [7, с. 50].

Ключевыми в данном контексте представляются анализ тенденций повторения определенных институциональных схем и поиск исторических истоков трудностей имплантации модернизационных проектов в России. На помощь здесь может прийти методологический изыск Ханса Ульриха Гумбрехта, вынесенный в название статьи: «настоящее и связанные с ним представления современниками осмысливаются как “прошлое завтрашнего настоящего”» (цит. по: [8, с. 8]).

Российскую политику издавна преследуют два искушения: обмануть историю, избрав стратегию сознательного уклонения от управления конфликтами, или же, напротив, свести политический процесс к силовому навязыванию своей воли, к «политической борьбе», к соревнованию напоров и агрессивностей. Обе крайности трагичны, но обе направлены на обуздание дополитической и довластной «войны всех против всех» в целях перераспределения ресурсов. Приведем красноречивую формулировку, прозвучавшую в одном из выступлений на солидной научной конференции: «Мы — страна сбывшейся конфликтологии» [9, с. 98]. Впрочем, не совсем так. Россия, если постигать нашу собственную современность в ее историческом измерении, скорее есть *страна сбывшейся примитивной силовой недоконфликтологии*. Эту ситуацию очень ясно диагностировал на материалах послереволюционной России В. П. Булдаков: «Практически не осталось людей, живущих в гармонии со своим социальным окружением и давлением ”внешнего мира”. Противоречия носили настолько сложный, системно-парализующий характер, что возник синдром “гордиева узла”, который проще разрубить, чем распутать... Эти фрустрационные судороги... сказываются и сегодня» [10, с. 732].

Социальная энергия негативизируется до антагонистических конфликтов в сферах символических войн в социальных сетях, войн компроматов, в повседневном быту. Симптоматичны социологические исследования глобального индекса миролюбия, который определяется агрегированием 23 показателей, объединен-

ных в три основные группы: наличие и масштабы внутренних и международных конфликтов, в которых участвует государство; уровень стабильности и безопасности внутри государства; уровень милитаризации государства. Индекс миролюбия оценивается по шкале от 1 (максимальное миролюбие) до 5 (минимальное миролюбие). Для постсоветской России в 2012 г. этот показатель составил 2,938. Первое место по миролюбию заняла Исландия (1,113), а последнее — Сомали (3,392). Россия занимает 153-е место из 158 между Корейской Народно-Демократической Республикой и Демократической Республикой Конго [11].

В сравнительном исследовании ценностей, проводимом В. Магуном и М. Рудневым, зафиксировано, что по параметрам «благожелательность» и «универсализм» (прятие чужого) Россия занимает одно из последних мест и принадлежит к числу европейских стран с низким межиндивидуальным ценностным консенсусом по большинству базовых ценностей [12].

Разработанная Карлом Шмиттом фундаментальная дихотомия «друг/враг», определяющая суть конфликтной модели, обращена не только внутрь российского социума, но и вовне. По результатам опроса Всемирного экономического форума, который оценивал степень недружелюбия к иностранцам, Россия находится в числе лидеров, уступая «пальму недружелюбия» Венесуэле и Боливии и опережая Иран, Пакистан и Саудовскую Аравию [13].

Как корректно осмыслить и описать эти привычные социальные практики и представления, способы жизнеобеспечения в гиперконфликтном российском социально-политическом пространстве, избежав при этом как погружения в «войну», т. е. отвлеченного и бездоказательного рассуждения об «особых» российских традициях, так и абстрактных нормативных высказываний о «нормальных» вариантах протекания конфликтов? Политическая социология сосредоточивает анализ специфики российских конфликтов на редуцированной проблематике: «Причастные к околополитической среде эксперты и “технологи” купаются в спекулятивном анализе элитных интриг, клановых раскладов и иностранных интересов» [14, с. 96]. Конфликтологическая же парадигма позволяет разглядеть «в России видимостей Россию сущностей» [15, с. 356], радикально переосмыслить процессы структурно-функциональной дифференциации социально-групповой и институциональной систем и рефлексивно реконструировать более сложные системы интеграции и обмена, коммуникаций между отдельными подсистемами, анализировать неартикулируемые и некодифицируемые последствия конфликтных взаимодействий. Данный «конфликтно-институциональный» подход предлагает наиболее приемлемый набор средств для формирования концептов изучения институциональных изменений российского общества, сосредоточивая внимание на системе формальных и неформальных норм, правил и организаций, сдерживающих и контролирующих насилие.

Сошлемся на работу современного российского философа И. Д. Осипова, в которой обозначены принципиально важные моменты различения конфликтов и насилия как стороны конфликтных отношений [16, с. 63–72]. Насилие определяется как способ институционализации конфликта, при котором одни индивиды или группы людей с помощью различных средств внешнего принуждения и манипулирования подчиняют себе сознание, волю, способности, собственность и свободу других в целях овладения и управления ресурсами. Структура насилия строится на

технике обесценивания его объекта, на непризнании за ним каких-либо достоинств, прав, суверенности, на силовом принуждении к тому, что считает правильным или желательным обладатель ресурсов.

При таком подходе социальные явления рассматриваются с точки зрения способа достижения желаемого в конфликте: игра «с нулевой суммой», «с отрицательной суммой», «с положительной суммой». Это позволяет четко представить, какие институты необходимы для эффективного конфликто разрешения, как отточить российскую политику, чтобы перекрыть конфликтность институционализированными в неформальных и формальных социальных механизмах установками на «не войну», создать основания для сотрудничества.

И здесь нам потребуется набор инструментов, базовые рабочие определения. Мы предлагаем не вполне традиционное определение конфликта, не стремясь найти всеобъемлющую формулу, которая описывала бы весь спектр теоретических параметров, используемых при построении конфликтных моделей социума. Логистику развертывания нашей объяснительной схемы в силу ограниченности объема данного текста мы выносим за скобки [17, с. 25–31].

Под конфликтом будем понимать особый вид отношений между социальными (политическими) акторами, который символизирует разновидность активной борьбы между ними и тип восприятия их взаимоотношений, является результатом тематизации негативной коммуникации, обусловленной неадекватным ответом одного социального актора на вызов другого, находящегося в критической степени дискомфорта, вызванной относительной ресурсной депривацией, и выражается в виде определенных социальных практик.

Отметим, что в этой теоретической конструкции мы используем представления Санкт-Петербургской школы конфликтологии (проф. А. И. Стребков) о негативности как сущностной черте конфликтного взаимодействия [18, с. 66–76; 19, с. 181–207; 20, с. 112–120] и понимание Л. Е. Бляхером природы относительной депривации как коммуникативного понятия, «существующего только в процессе социальной коммуникации как возможность/невозможность утвердить перед Другим свои ценности, смыслы и т. д.» [21, с. 135].

Самые изощренные описания нюансов и деталей механизмов национальной специфичности конфликтного взаимодействия сконцентрированы в превосходном и тонком замечании Л. Коузера: «Социальные структуры отличаются по степени конфликта, который они могут выдержать» [22, с. 32]. Отправной точкой для описания и анализа конфликтной модели общества может быть выделение двух основных уровней.

Первый уровень — онтологический, типологизирующий конфликтные ситуации данного типа общества, их структуру, свойства и особенности, которые остаются инвариантными. Вопрос заключается в следующем: какова конфигурация институтов, которая позволяет обществу находить адекватные ответы практически на любой вызов? Конфликтные модели обществ различаются типами взаимосвязей между вызовами и ответами и стратегиями преодоления социального дискомфорта, способами поведения в конфликте. Следовательно, речь идет о наличии в обществе институциональной обеспеченности интегрирующих механизмов, о сочетании условий, позволяющих компенсировать или нейтрализовать структурные конфликты внутри социума.

Второй уровень — операциональный, это совокупность приемов конфликто-разрешения, выработанных и используемых в рамках данного типа общества, набор стереотипных сценариев конфликтного поведения.

Вопрос о национальной конфликтной модели может быть сведен к вопросу о социальных, психологических, политических механизмах разрешения конфликтов, который, в свою очередь, может быть рассмотрен в следующих трех аспектах.

1. Критерии упорядоченности социальных полей конфликта: в социуме либо сформированы устойчивые представления о приемлемом уровне конфликта как продуктивного элемента социального взаимодействия, позволяющего отразиться собственной позиции, оптимизировать конфликтную ситуацию, внести в нее необходимые коррективы, либо продуктивность конфликта отрицается, а признается лишь борьба на уничтожение.

2. Мера антропоцентричности или власти(иерархо)центричности в способах действий или механизмах разрешения конфликтов. В рамках первой модели данные механизмы определяются институциональной системой «работы» с конфликтом, соизмеримой с человеком и ориентированной на него, когда решение социальных проблем ищут в гражданских сетевых связях, на разных уровнях, в различных точках горизонтальных коммуникаций. В рамках второй модели коммуникативные конфликтные отношения завязываются на власть, единственным закрепленным в традициях способом действий является жалоба начальству, *все неразрешенные конфликты центрируются на вершину* управленческой пирамиды, где социальный организм концентрирует конфликты и куда канализируется конфликтная социальная энергия, некомпенсированная, непокрытая и нецивилизованная. Истина, сила и право в разрешении конфликтов всегда остаются за иерархией, которая является носителем и выразителем идеи целого, всегда стремящегося к снятию конфликта *всеми сдерживающими, репрессивными, силовыми способами*. В этой парадигме конфликт зачастую разрешается или покупается ценой победы иерархии над здравым смыслом. При этом события на социальной «линии фронта» (в зонах социального пространства, где конфликтное взаимодействие принимает особо интенсивный характер), по которым можно оценивать напряженность социума, в российском (и в целом в постсоветском) пространстве в своем развитии быстро преодолевают некий пороговый уровень и радикально меняют социально-политический ландшафт в считанные дни и даже часы.

3. Критерии эстетической оформленности конфликта: обеспечивает ли стиль разрешения конфликта (выхода из негативной ситуации) психологический комфорт, рождает ли чувство защищенности? Перефразируя Олдоса Хаксли, можно сказать: главное ведь не в том, чтобы выйти из конфликта, а в том, кем ты из него выйдешь. Дэвид Лэндес подчеркивал: «Существуют культуры, которые я бы назвал “токсичными” культурами... они калечат людей, которые цепляются за них» [23, р. 30].

Таким образом, ключевыми для нашего анализа являются, если воспользоваться формулировкой Т. Парсонса, те «институционализованные стандарты» [24, с. 701] нормативной конфликтологической культуры российского общества и глубинного архетипа «конфликтологического разума» российского народа, которые влияют на «токсично-конфликтный» тип российских социальных форм.

Можно предположить, что существует два типа *конфликтного стиля* общества. Один стиль, постоянно реконструируя конфликты, не допуская острых всплесков,

раскручивает спираль социальной реконструкции и приводит к внедрению нового социального комплекса. Конфликт здесь «выполняет функции стабилизации и интеграции внутригрупповых отношений. Предоставляя обеим сторонам безотлагательную возможность для прямого выражения противоречащих друг другу требований, такие социальные системы могут изменить свою структуру и элиминировать источник недовольства. Свойственный им плюрализм конфликтных ситуаций позволяет искоренить причины внутреннего разобщения и восстановить социальное единство» [25, с.24]. Другой стиль, выстраивая такую конфигурацию разрешения (вернее — подавления) конфликтов, которая обеспечивается не интериоризацией социальных норм, а насильно, путем вмешательства власти, может положить начало спирали социального разрушения, привести к упадку и полной дезинтеграции общества.

Как полагает Зигмунд Бауман, общество обречено на умирание, на полный коллапс социально-нормативной системы, если отмирание традиционных институтов не восполняется новыми институтами неформального общения и социального контроля [26]. Такой конфликтный стиль Р.Дарендорф называл «аморальным», «неэффективным», «потенциально злокачественным», полагая, что «тот, кто пытается навсегда разрешить конфликты, скорее поддается опасному соблазну путем применения силы произвести впечатление, что ему удалось такое “разрешение”, которое по природе вещей не может быть успешным» [27, с. 145].

Конфликтные системообразующие признаки социально-политического пространства российского общества можно, по-нашему мнению, операционализировать через понятие «габитус», предложенное П. Бурдьё [28]. Габитус — это некое инстинктивное социальное знание, отражающее прошлый опыт социальных субъектов и указывающее более или менее приемлемый выход из конфликтов. В то же время это и механизм распознавания в координатах «свой — чужой», совокупность доведенных до автоматизма навыков и приемов поведения в конфликтных ситуациях. «Конфликтный габитус» — устойчивый, самовоспроизводящийся в историческом времени комплекс социальных структур (отношений, организаций и институтов), совокупность закономерностей историко-конфликтного поведения, специфический стержень, определяющий национальную специфику конфликта, поведения в нем социальных субъектов и методов его регулирования.

Суть «конфликтного габитуса» — в передаче от поколения к поколению главных черт, стереотипов конфликтного восприятия социальной действительности, допустимых рамок развития конфликтов, закрепленных в обычаях предпочтительных способов и методов их разрешения, определенный уровень навыков поведения в конфликте.

Любой процесс взаимодействия людей, всегда в какой-то степени отличающихся друг от друга потребностями и возможностями, внешними условиями жизнедеятельности, индивидуальными предпочтениями, неизбежно ведет к возникновению конфликтов. Конфликтное взаимодействие рациональных (т. е. стремящихся к максимизации степени удовлетворения своих предпочтений) индивидов порождает необходимость согласования их предпочтений, которое позволило бы снизить издержки конфликта. Конечным результатом процесса согласования конфликтных интересов является создание институтов (действующих и выполняемых правил), устанавливающих определенные рамки или ограничения в отношениях взаимодей-

ствующих сторон конфликта и обеспечивающих соблюдение установленных правил взаимодействия.

При этом существующая институциональная структура разрешения конфликтов может, по словам Дугласа Норта, «загнать» общество в определенное русло развития. Причины неудач модернизационных проектов на российском пространстве во многом связаны с конфигурацией системы институционального ограничения конфликтов и слабостью «конфликтно-позитивных», консенсусных ценностей и установок.

Базовые суперпозиции построения институциональной модели полей конфликта носят для культурно-исторических традиций «холодных» или «теплых» обществ, концептуальный инструментарий для анализа которых предложен в новаторских работах Сергея Циреля [29], *парадигматический характер*. Корневое различие состоит в том, что для «холодной» модели характерна медиативная структура, тогда как для «теплой» — дуалистическая. При доминировании дуалистического принципа стороны конфликта стремятся к максимальной партисипации, т. е. к экзистенциальному самоотнесению к одному из полюсов при максимальном взаимоотчуждении. Субъекты конфликтного взаимодействия предельно герметизированы. Односторонняя партисипационная направленность порождает симметричные негативные действия. Конфликт перестает адекватно описываться, начинает «разбухать», его содержательные и позитивные значения нерелективно поглощаются негативными смыслами и коннотациями. Поле конфликта «разворачивается» за пределы необходимого уровня стабильности социума, место конструктивных противоречий занимают противоречия деструктивные, «перетягивание каната» перекрывает русло социальной динамики. Происходит деэтизация, деэстетизация и «раскультивирование» конфликта.

В российской практике реализуется в основном модель использования насилия ради достижения групповых интересов в формате открыто манифестируемой вражды различных социальных групп при осознанном использовании политических технологий интенсификации и эскалации конфликтов, в том числе с использованием приема поисков внутреннего и внешнего врагов. В контексте этой устойчивой тенденции социального развития, политической традиции и политической культуры наблюдается преобладание административных методов регулирования конфликтности и доминирование неформальной составляющей институционализации конфликтов.

Исключительно важными для анализа российского алгоритма осмысления конфликта и поведения в конфликте представляются исследования Игоря Яковенко и Александра Музыкантского [30–31], Льва Гудкова [32–33], Николая Розова [34]. Их инструментарий позволяет «схватить» одновременно эмпирические характеристики институциональных рамок конфликтных взаимодействий и особенности реальных поведенческих практик. Игнорирование подобных особенностей в свое время привело Дж. Сакса, одного из ведущих советников при осуществлении российских реформ, к констатации: «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия» (цит. по: [31, с. 275]). Обобщим эти характеристики и особенности, по возможности оставляя без изменений изящные авторские формулировки и в то же время не перегружая изложение обильным цитированием.

- Стремление к предельному обострению любого конфликта, установка на блокирование диалога с противостоящей стороной в любых его формах. Любые компромиссы нетерпимы и постыдны.
- Внеморальность конфликта: правовые и моральные нормы разрешения и урегулирования конфликтов отрицаются при оценке поведения своих по отношению к противнику. Противнику приписываются все мыслимые и немыслимые злодеяния, и по отношению к нему позволено абсолютно все.
- Агрессивно-наступательная стилистика разрешения конфликта в сочетании с неременной профанацией актуального и потенциального противника и апелляцией не к противной стороне, а к внешнему наблюдателю, которому пытаются продемонстрировать собственную правоверность. Это «стилистика скандала на одесском Привозе со специфически базарным криком, задираньем подола и плевками в лицо» [31, с. 68], выражающая неприятие альтернативной мировоззренческой позиции.
- Отсутствие «рыцарского этоса» в отношении к противнику, т.е. системы представлений, базирующихся на фундаментальном убеждении в онтологическом равенстве противников, обладающих равным достоинством и наделенных единой человеческой природой.
- Гипертрофированная степень толерантности к рисковым формам поведения.
- Последовательное упрощение, примитивизация причин конфликтов, их редуцирование до уровня бинарной оппозиции — что подразумевает соответствующие технологии предупреждения и разрешения.
- Ограниченность «вещественного измерения» коммуникации в конфликте *темой своих и чужих*, их взаимоотношение, готовность к взаимному насильственному подавлению, преимущественно принудительные формы урегулирования конфликтов в установках сознания и поведения с постоянно присутствующей угрозой легитимированного государством насилия.
- Использование «высших ценностей» (Святая Русь, Правда, Служение Великой России и т. д.) для оправдания насильственного вмешательства государства и его представителей в частную сферу конфликтов, стремление «учить людей жизни» посредством принятия все новых и новых законов и правил, регламентирующих поведение.
- Чрезмерная «идейность» конфликта: самоутверждение через принижение символов (идеалов, ценностей, исторических персонажей, политических деятелей), священных, значимых для сторон конфликта.
- Иерархичность конфликта: взаимное неприятие стиля и манер поведения, знаков уровня потребления между представителями разных по статусу и доходам сословий.
- Иррациональность методов регулирования конфликтов и снижения социальной напряженности, амбивалентная архитектура сочетания *реалистических и нереалистических конфликтов* [35, с. 71–79], *их диффузия*, превращение конфликта как средства в конфликт как самоцель, сознательный поиск внутренних и внешних врагов, эскалация и раздувание мнимых конфликтов.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что в рамках данной модели добиться заинтересованности всех акторов конфликтного процесса в установлении

общих правил игры, признания их взаимной необходимости и ценности практически невозможно.

В конфликтном взаимодействии важно не столько обозначение *различий* в подходах, сколько определение того, что Ю. М. Лотман называл «открытым списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир» [36, с. 13]. Если следовать Ю. М. Лотману, политические позиции сторон конфликта должны накладываться друг на друга, по-разному отражая одно и то же, располагаться в «одной плоскости», образуя в ней внутренние границы, превращая культурные и политические антонимы в синонимы.

В контексте данных суждений отчетливо видна такая черта российской девиации конфликтного поведения, как «недоговороспособность», неумение и, главное, нежелание договариваться. «Любой партнер, — блестяще подмечает Л. Гудков, — независимо от близости или интимности отношений, значимости или даже характера связей и отношений, по сути своего социального взаимодействия выступает не как партнер... а воспринимается заведомо неполноценным, в большей или меньшей степени негативным... враждебным, агрессивным, чужим, угрожающим тебе» [32, с. 282]. Между тем отдельные правила, нормы, рутинные процедуры и практики, из которых складываются различные институты конфликто разрешения и институциональная среда конфликтов в целом, должны строиться на взаимном сдерживании «противопоставленных интересов». Дэвид Юм называл этот принцип «равенством сопротивлений», Георгий Гачев — «взаимной дополнительностью».

В этой системе координат, например, очевидно: чем более интенсифицирован политический конфликт, чем более активна политическая оппозиция, чем более развиты сети ее массовой поддержки, тем тщательнее она должна подходить к урегулированию своих отношений с властью, тем более серьезные усилия она должна предпринимать для выработки механизмов согласительных процедур, позволяющих вести торг с властью не только в неформальных, но и в институционализованных рамках. Пока же нет согласованных правил для диалога власти и «рассерженных горожан», а есть обоюдоострая символическая колкость, провоцирующая на взаимную жестокость.

В России стороны конфликта, как правило, — в том числе и путем коррекции институциональных правил — готовятся не к компромиссу, а к максимальной напряженности. Н. Луман называет это «проблемой избыточного давления», когда «разочарованных побуждают продемонстрировать, что в своих ожиданиях они придерживаются своих ожиданий спровоцировать конфликт и, по возможности, настоять на своем. К тому, кто на этом основании делается агрессивным, трудно подступить, потому что приходится считать, что он сам по себе прав. Однако следствия могут выходить далеко за пределы повода. И то, что предусматривалось в качестве публичной поддержки и тем самым содействовало решимости ожидаемого, может стать проблемой общественного возмущения» [37, с. 439]. Правила координации и разрешения конфликтов всякий раз разные и всякий раз устанавливаются под действием силы, механизмы согласования складываются в основном на неформальном уровне.

Всё это приводит к неизлечимой, патологически разрушительной конфликтности социума. Чем чаще в управленческих практиках встречаются жесткие силовые обертоны, чем чаще власть прибегает в своих действиях к силовым стратегиям с ре-

прессивным окрасом (запрещение, предотвращение, уничтожение), тем более сужаются позитивные возможности конфликта. Здесь необходимо отметить и зафиксированную рядом исследователей (например, Стасисом Каливасом) закономерность: лучше других в конфликтах, в том числе и жестоких гражданских войнах, выживают те, кому удалось пощадить противника, ибо великодушие создает сильные обязательства и прерывает цикл насилия и мести [38, с. 303–304].

Литература

1. Дарендорф Р. Искушение авторитаризмом // Россия в глобальной политике. 2005. №5. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5742 (дата обращения: 06.09.2013).
2. Шкаратан О. Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в мировом контексте // Мир России. 2011. № 4. С. 68–88.
3. Пятигорский А. М., Алексеев О. М. Размышления о политике. М.: Новое издательство, 2008. 190 с.
4. Малинецкий Г. Доклад о перспективах РФ // Институт динамического консерватизма. Изборский клуб: [электронный ресурс]. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/339> (дата обращения: 19.08.2013).
5. Абгаджва Д. А. Этноцизация и конфликт // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. 2009. Вып. 3. С. 175–179.
6. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: ИД «Территория будущего», 2009. 317 с.
7. Бибихин В. В. Введение в философию права. М.: ИФ РАН, 2005. 346 с.
8. Ионин Л. Г. Восстание меньшинств. М.; СПб.: Университетская книга, 2013. 237 с.
9. Социокультурные особенности российской модернизации: материалы круглого стола. М.: Экон-Информ, 2009. 152 с.
10. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с.
11. Нисневич Ю. А. Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // Полис. 2013. № 1. С. 100–111.
12. Магун В. С. Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами: Препринт WP6/2010/03. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 52 с.
13. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2013. Reducing Barriers to Economic Growth and Job Creation. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TT_Competitiveness_Report_2013.pdf (дата обращения: 16.03.2013).
14. Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 384 с.
15. Гаман-Голутвина О. В. «И тут кончается искусство, и дышит почва и судьба...» // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 356–359.
16. Осипов И. Д. Проблемы насилия и модернизации в русской социологии // Международные отношения и диалог культур / под ред. И. Д. Осипова, С. Н. Погодина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. С. 63–72.
17. Алейников А. В. Метафизика российской конфликтности: холодная гражданская война или склока // Власть. 2013. № 6. С. 25–31.
18. Стребков А. И., Алдаганов М. М., Газимагомедов Г. Г. Российская конфликтология: между настоящим и прошлым // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. 2013. Вып. 1. С. 66–76.
19. Стребков А. И., Алдаганов М. М. Особенности развития и состояние отечественной конфликтологии // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2011. Вып. 23. С. 181–207.
20. Алейников А. В., Стребков А. И. Конфликтология для XXI века // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 112–121.
21. Бляхер Л. Е. Нестабильные социальные состояния. М.: РОССПЭН, 2005. 208 с.
22. Коузер Л. Основы конфликтологии. СПб.: Светлячок, 1999. 192 с.
23. Landes D. Why Some Are So Rich and Others So Poor: The Role of Culture // Culture Counts: Financing, Resources, and the Economics of Culture in Sustainable Development. Washington, D.C.: World Bank, 2000. P. 27–31.
24. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.

25. Козер Л. Функции социального конфликта // Реферативный сборник. Социальный конфликт: современные исследования. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 22–26.
26. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
27. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5. С. 142–147.
28. Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, вып. 2. С. 44–59.
29. Цирель С. В. Пути к государственности и демократии: исторический анализ // Фонд «Либеральная миссия»: [электронный ресурс]. 11.11.2010. URL: <http://www.liberal.ru/articles/4939> (дата обращения: 01.03.2012).
30. Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: РОССПЭН, 2012. 671 с.
31. Яковенко И. Г., Музыкантский А. И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь, 2010. 320 с.
32. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 г. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
33. Гудков Л. Д. Abortивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011. 630 с.
34. Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с.
35. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.
36. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. СПб.: Семиосфера, 2000. 149 с.
37. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 641 с.
38. Дергужьян Г. Адепт Бурдье на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Территория будущего, 2010. 560 с.

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2013 г.